

ПУШКИНСКИЕ ЦИТАТЫ В «СОВРЕМЕННОМ» 1847 ГОДА¹

При сплошном просмотре некрасовского «Современника» цитаты из Пушкина удивляют и своим обилием, и своей специфичностью. Цитирование отражает такое отношение к литературе, которое не всегда осмеливались прямо сформулировать в критике – или такое, для которого просто не оказывалось формулировок на языке эпохи.

Чаще всего они попадают в собственно журнальных жанрах – фельетонах «Современного обозрения», и больше всего – в фельетонах Нового поэта (хотя кое-что есть и в беллетристике). Цитирующие Пушкина авторы – это прежде всего Некрасов, Панаев, в меньшей степени – Белинский и другие; в целом речь пойдёт о текстах неподписанных (иногда – неатрибутированных), т.е. выражающих позицию журнала в целом.

Пушкин вспоминается по любому поводу. Нельзя обругать современный плохой «Невский альманах», не сказавши: «*примите Невский альманах*»²; но и когда пересказывается современная немецкая «сказка» («Дочь короля Рене» Генриха Герца) – и тут снова Пушкин, Герца не читавший: «граф и трубадур пораженные перед спящей девушкой остановились невольно

Благоговев богомольно

Перед святыней красоты...»³

Цитаты легко переделываются, нагромождаются одна на другую: «О, тогда вы увидите, как бесконечно прихотлив и разнообразен мой талант,

Как игрив он и смел...

...Вы увидите это! Тонкое перо мое, помоченное в опиум чернил, разведённый слюною бешеной собаки...»⁴ Иногда слова Пушкина оказываются своего рода ритуальной формулой, которая вылетает почти автоматически: так, Гончаров завершает некролог Валерьяна Майкова⁵ – «*И пусть у гробового входа...*», и вполне не к месту, потому что у Гончарова никакой резиньяции как

раз и нет, он скорбит о ранней смерти Майкова и возмущён её несправедливостью.

Особенно много Пушкина в разделе «Моды» Панаева, например, в «опыте великосветского романа» «Великая тайна одеваться к лицу»:

«О, сколько раз вальсировала душа моя, когда я смотрел на вальсирующую героиню мою...

Но полно, полно, перестань,

Ты заплатил безумству дань!»⁶

Моды зимние, меха:

«Но вьюги севера не вредны русской розе...»⁷

Майский номер:

Улыбкой ясною природа

Сквозь сон встречает утро года;

Синее блещут небеса.

Еще прозрачные леса не зеленеют даже и духом, а петербургские дамы уже решительно сбросили с себя бархатные бурнусы»⁸. А в июньском номере, конечно, вспоминается «карикатура южных зим»⁹.

«И мы вполне убеждены, что он один во всей грамотной Руси –

...от Перми до Тавриды,

От финских хладных скал до пламенной Колхиды,

От потрясенного Кремля

До стен недвижного Китая,

Он один мог бы ловко писать статьи о модах...»

Там же ниже:

«Мне душно здесь... Я в лес хочу»,

«Перед царицей красоты».¹⁰

Пушкин ассоциируется с легкомысленными темами; и понятно почему. Вот говорит о якобы учёных людях, которые «на всякого человека, порядочно и прилично одетого, посматривают искоса, как на врага, считая его пустым человеком. Они никак не признают, что

Быть можно дельным человеком

И думать о красе ногтей»¹¹.

Панаев запомнил Пушкина как главного апологета дендизма – и всё время о таком Пушкине и напоминает.

Стихи пересказываются прозой, фельетонисты играют на контрасте между высоким тоном стихов и «низкой» современностью. Функционально это похоже на некрасовские пародии, печатавшиеся там же.

«Он будет чиновником, будет нашим работником, будет бегать по урокам, будет зашибать копейку, хоть бы с утратой сил, с утратой самолюбия (что за дело!), решили –

И он послушно в путь потек...»¹²

О недобросовестной рекламе: «Так вот, грустно подумал я, – что такое эти магазины-монстры...

Да! настоящее уныло...

поневоле воскликнешь вместе с поэтом»¹³.

Как символ стихов плохих и устаревших Белинский цитирует детские стихи Пушкина (именно пушкинские – не чьи-нибудь ещё!): «С некоторого времени русский читатель непростительно изменился: он сделался положительен, сух, черств... У него была душа нежная... был настолько нежен и сострадателен, что даже принимал живое участие в одной преступной деве, которая *«под вечер ненастной осенью шла в пустынных местах...»*, участие, которое, при его неукоризненной нравственности, должно было стоить ему много внутренней борьбы и муки...»¹⁴

Пушкина цитирует комический персонаж – некрасовский Новый Поэт с плохим вкусом – и в его представлении Пушкин опасно близок к Бенедиктову: «Я ничего не знаю и всё знаю... Заговорят о Наполеоне – я и о Наполеоне! Скажу, что человек великий, и послан в мир для возвеличения и славы русской земли; прогремел и пал, звезда закатилась, и с жаром продекламирую: *хвала! он русскому народу, - великий жребий указал!* а не то: прошли те дни, как взмах его руки, и тут рукой нарочно взмахну. Бенедиктов мой поэт; я его смертельно люблю, - какие сравнения! Зайдет разговор отвлеченный – о любви к отечеству...»¹⁵ Отсюда уже недалеко и до базаровского – «На бой, на бой! За честь России!» Неслучайно и Панаев «Бородинскую годовщину» цитирует в своей модной хронике – подходящее употребление для патриотического пафоса.

В повести Панаева «Родственники» глупый провинциал, который хочет быть романтическим, «мрачно декламирует себе под нос:
Есть упоение в бою...»¹⁶

Поэтическая цитата выглядит прежде всего как «чужой голос», с которым спорят, как ложно пафосное отношение к жизни. Иногда это цитата не обязательно из Пушкина (хотя по преимуществу именно из него); вот, например, обсуждается «лишний человек» как надоевший герой современной литературы, и цитируется Гейне: «Чем же объяснить наш истомленный, изношенный вид, нашу глубокую праздность? на что сослаться? Как на что? А внутренняя-то драма на что? а незримые миру страдания? а зло, причиненное нам когда-то людьми, которых мы ни за что не назовем по имени!

*Они мне мой хлеб отравили
И сделали смерти бледней»*¹⁷.

Другие поэты цитируются намного реже Пушкина и иначе, чем он: Грибоедов вспоминается чаще в статьях о Москве, а Лермонтов для Белинского – это пафос серьезный, к которому можно присоединиться:

«Неужели же прав поэт, сказавший:
Нас тешат блески и обманы...»¹⁸

И всё-таки то, что описано выше, не объясняется только «антипушкинской» позицией «Современника», известным отношением Белинского к Пушкину как к барину и вообще писателю вчерашнего дня (хотя отчасти было, бесспорно, и это). Любопытней мне представляется другое: к концу 1840-х годов неизбежность цитирования отечественных классиков обсуждается и обыгрывается и как впервые обретенная возможность, и как уже пошлая мода. Это прямо свидетельствует Некрасов: «Кстати! Заметили ли вы, что есть несколько, - можно насчитать десятка три, - фраз, двустийший, полустийший... без которых решительно не обходится ни одна русская статья, ни один фельетон, ни одна заметка в десять строк?»¹⁹ И у него же комические провинциалы переписываются так: «От Петра Теркина к поручику Щоткину: ...Впрочем, ведь еще Полевой, кажется, сказал:

Но чтоб иметь детей,

Кому ума недоставало?»²⁰

Итак: уже к 1847 г. в нашей культуре постепенно складывается тот образ Пушкина, который у нас скорее ассоциируется с сознанием XX в., с Синявским и проч. Пушкин – главный классик, который про всё уже сказал, и от этого несколько комичный. Смех по поводу Пушкина – не то что отрицание его, а скорее неизбежное сопровождение абсолютной классичности.

¹ Первым годом журнала я ограничиваюсь преимущественно по техническим причинам, хотя можно сказать, что демонстративное, даже агрессивное самоутверждение по отношению к классике характерно по преимуществу как раз для начала издания. Кроме того, чуть позже, на рубеже 1840-х-50-х, «Современник» будет занят выяснением отношений с современной поэзией (поэзией «Москвитянина»), и это несколько отвлечет его от Пушкина.

² № 8, Критика и библиография, с. 110.

³ № 12, Смесь, Современные заметки, с. 211.

⁴ № 12, Смесь, Современные заметки, с. 191.

⁵ № 8, Современные заметки, с. 108.

⁶ № 12, Моды, с. 8.

⁷ № 4, Моды, с. 3.

⁸ № 5, Моды, с. 1.

⁹ № 6, Моды, с. 3.

¹⁰ № 7, Моды, с. 2.

¹¹ № 4, Моды, с. 5.

¹² Современные заметки, № 6, с. 237.

¹³ № 10, Моды, с. 8.

¹⁴ № 4, Критика и библиография, с. 99 («Москва, поэма Н. В. Сушкова...»).

¹⁵ № 1, Смесь, Новый Поэт, с. 65.

¹⁶ № 1, Словесность, с. 10.

¹⁷ № 6, Смесь, Современные заметки, с. 235.

¹⁸ № 3, Критика и библиография, с. 52 («Тереза Дюнойе...»).

¹⁹ № 12, Современные заметки, с. 204.

²⁰ № 12, Смесь, Современные заметки, с. 195.